

Норвежский дипломат Фредерик Прютц в революционном Петрограде 1918 г.

(Опубликовано в Петербурге в 1999 г.)

В первой половине 1918 г. правительства иностранных держав, не признавшие Советскую власть, поручили защиту неотложных интересов своих государств, а также личных и имущественных прав их граждан норвежской Миссии в Москве и Петрограде.¹ Представители этой нейтральной страны, как и все не признали большевиков. Они также подвергались опасностям репрессий, но почти в полном составе оставались и действовали в обеих русских столицах до самого конца 1918 г. Им пришлось взять на себя неблагоприятную роль посредника в огне непримиримой классовой борьбы. Лучшего кандидата для такой работы, чем Норвегия, найти было невозможно. Швеция, хотя также являлась нейтральной страной, в годы первой мировой войны больше симпатизировала Германии, и союзники по Антанте ей не доверяли. Ещё один нейтрал – Швейцария – не имела столь прочных политических и торговых связей с Россией, столь древних традиций добрососедства на русском Севере, как Норвегия. В связи с поднявшейся в стране волной революционного экстремизма, преступности, конфискационными декретами правительства и враждебным отношением к организаторам гражданской войны и интервенции на нехватку работы норвежские дипломаты пожаловаться не могли. За разрешением проблем к ним постоянно обращались англичане, французы, американцы, даже сербы.

В архивных материалах Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) в течение всего 1918 г. встречаются ноты в основном за подписью атташе Томаса Кристенсена и поверенного в делах Фредерика Прютца. То они запрашивают о законности конфискации домов сербского подворья (август 1918 г.)², то беспокоятся о судьбе американского гражданина Пенна, арестованного, по их сведениям, в городе Котельничи (осень 1918 г.).³